

УДК 327.5

DOI: 10.31857/S2686673022100017

EDN: GVUZHХ

Обострение украинского кризиса и формирование новой стратегической концепции НАТО

П.Е. Смирнов

*Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Scopus Author ID: 57220211703   PИИЦ ID: 626105

ORCID: 0000-0003-4757-8099   e-mail: smi-pavel@yandex.ru

Резюме. Подготовка новой стратегической концепции Организации Североатлантического договора (НАТО) в начале 2020-х годов совпала с резким изменением международного контекста, в котором ей приходится действовать. Предыдущие концепции, принятые после окончания эпохи биполярности, а подобные документы принимаются альянсом примерно каждое десятилетие, фактически означали размывание стержневой функции НАТО – коллективной обороны стран-членов – ради широко понимаемой коллективной безопасности, взятия на себя роли кризисного менеджера в различных регионах мира. Однако развивающийся с 2014 г. украинский кризис, особенно начало специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 г., стимулировали руководство НАТО к возвращению к более традиционному взгляду на мировой порядок, характеризующийся геополитическим соперничеством. Вместе с тем, провозглашение России главной угрозой безопасности альянса, принятие им мер против «реваншистского» поведения РФ не заслонило принципиально нового вызова со стороны растущей мощи Китая. Хотя в НАТО она и трактуется иначе, чем «российская угроза», Китай, равно как и углубление российско-китайского стратегического партнёрства, становится долгосрочным предметом постоянной озабоченности НАТО. Это предопределяет активизацию её усилий по глобализации взаимодействия с другими альянсами и региональными группировками при решающем участии США.

Ключевые слова: НАТО, США, Россия, Украина, Китай, стратегическая концепция, безопасность, стабильность, геополитическое соперничество

Для цитирования: Смирнов П.Е. Обострение украинского кризиса и формирование новой стратегической концепции НАТО. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2022; 52 (10): 5-18. DOI: 10.31857/S2686673022100017   EDN: GVUZHХ

Escalation of the Ukrainian Crisis and Formulating a New Strategic Concept of NATO

Pavel Ye. Smirnov

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKРАН)*

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57220211703   PИИЦ ID: 626105

ORCID: 0000-0003-4757-8099   e-mail: smi-pavel@yandex.ru

Abstract. Creating a new NATO strategic concept, although such documents are adopted by the Allies every decade, coincided in the early 2020s with a dramatic change in the international environment for the North Atlantic Alliance. The previous concepts adopted in the post-bipolar era, including that of 2010, actually meant erosion of the core function of NATO - the collective defense of member countries - for the sake of a broadly understood collective security, and assuming the role of a crisis manager in various regions of the world. However, the Ukrainian crisis that began in 2014, and especially the launch of Russia's special military operation in Ukraine in February 2022, returned NATO to a more traditional view of the world order, characterized by the comeback of geopolitical competition. At the same time, portraying Russia as the most significant threat to Allies' security, the measures taken by NATO in response to Russia's "revisionist" behavior, did not obscure for NATO a fundamentally new challenge from the growing power of China. Although the latter is interpreted differently than that of Russia, China, as well as the deepening strategic partnership between Moscow and Beijing, are becoming a long-term concern for NATO. This predetermines NATO's efforts to globalize its activity and cooperate with other alliances and regional groupings under the U.S. leadership.

Keywords: NATO, United States, Russia, Ukraine, China, strategic concept, security, stability, geopolitical competition

For citation: Smirnov P.Ye. Escalation of the Ukrainian Crisis and Formulating a New Strategic Concept of NATO. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2022; 52 (10): 5-18 (In Russ.) DOI: 10.31857/S2686673022100017 EDN: GVUZHХ

ВВЕДЕНИЕ

Начало третьего десятилетия XXI века потребовало от Североатлантического альянса совершенствования концептуального осмысления своей активности. Действовавшая до саммита НАТО в Мадриде (июнь 2022 г.) стратегическая концепция альянса была принята на Лиссабонской встрече глав государств и правительств стран – членов блока в 2010 г. На Брюссельском саммите в июне 2021 г. было решено подготовить новую концепцию, которая отвечала бы современным вызовам. Дело не только в том, что средний «срок жизни» подобных документов НАТО составляет около одного десятилетия (и поэтому на смену концепции 2010 г. в любом случае необходим был новый документ), но и в том, что геополитическая ситуация как в Европе, так и в мире в целом с тех пор пережила радикальные перемены, особенно после начала Россией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. Неизбежность её проведения стала очевидной после фактического отказа США и НАТО принять российские предложения о гарантиях взаимной безопасности, представленные в декабре 2021 г., в основе которых лежало требование отказа НАТО от дальнейшего расширения на восток.

Ситуация, связанная с развитием украинского кризиса после 2014 г., новый этап которого наступил в феврале 2022 г., повлияла на содержание дискуссий относительно приоритетов новой стратегической концепции альянса.

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ: РОССИЙСКИЙ ФАКТОР

Те стратегические концепции (1991, 1999, 2010 гг.), которые Североатлантический альянс принимал после окончания эпохи биполярности, означали, прежде всего, расширение круга компетенции НАТО, переход от функции исключительно коллективной обороны стран-членов к более аморфной и при этом более глобализированной миссии содействия коллективной безопасности, в том числе за пределами географической зоны ответственности блока. По мнению российского специалиста Ю. Мельниковой, «к 2010 г. НАТО как коллективному целому предлагалось совместить несколько социальных ролей: оплота безопасности в Евроатлантике; соседа, подающего евразийским государствам положительный пример; кризисного менеджера в самом широком географическом масштабе; миссионера демократии. Если первые роли были по своей сути вполне вестфальскими, отвечающими реалистским представлениям о политике балансирования и военной природе НАТО, то две другие апеллировали уже к поствестфальскому будущему, в котором Североатлантический альянс превращался в полноценное политическое сообщество» [1].

Такое «постисторическое» понимание предназначения НАТО не учитывало, что те страны и вообще те субъекты международных отношений, которые считали неравноправным и ущербным для себя мировой порядок, установившийся после слома биполярности, рано или поздно начнут заявлять о своих правах. В этом смысле начавшийся в 2014 г. кризис вокруг Украины и те военные меры, которые Россия вынуждена была, в связи с этим, предпринять спустя восемь лет, стали существенным, но далеко не единственным фактором, который заставил Североатлантический альянс вернуться к более традиционному пониманию безопасности. Это стимулировало США и их союзников по НАТО к тому, чтобы при формулировании новых стратегических приоритетов альянса уйти от установок на партнёрство с Россией, которые и без того их тяготили, когда стало ясно (по крайней мере после «мюнхенской речи» президента РФ В.В. Путина в 2007 г.), что Москва не приемлет навязываемый Западом порядок в Европе и в мире и открыто высказывает традиционный взгляд на геополитику, в соответствии с которым лишь ограниченный круг стран обладает реальным суверенитетом [NATO 2030. Towards a New Strategic Concept and Beyond. 2021]. Вместе с тем, эксплуатируя тезис о «российском реваншизме», Вашингтон и наиболее проамериканские круги среди его союзников всё больше стремились вменить НАТО в обязанность реагирование на не менее серьёзные, хотя и не означающие прямой военной угрозы вызовы, прежде всего растущую мощь Китая.

Уже после начала украинского кризиса и принятия первых мер в ответ на события в Крыму и на Донбассе союзники по НАТО констатировали: представ-

ления о том, что Евроатлантика является зоной мира и угроза нападения на территорию НАТО низка, устарели, а именно такие представления были зафиксированы в Стратегической концепции 2010 г. В этом документе, который действовал вплоть до мадридского (июль 2022 г.) саммита НАТО, просматривалась та градация угроз, которая сформировалась после событий 11 сентября 2001 г., – тогда на одном из главных мест был обозначен терроризм. В то же время угрозы, связанные с кибербезопасностью, были менее приоритетны, чем это наблюдается с середины второго десятилетия XXI века, причём именно в первую очередь в российском контексте. Не отражён в документе и «китайский вызов». И полностью устарел для НАТО тот раздел концепции, который касается партнёрства с Россией. Достаточно привести следующую выдержку из данного документа: «Сотрудничество между НАТО и Россией представляет стратегическое значение, поскольку оно способствует созданию общего пространства мира, стабильности и безопасности. НАТО не представляет никакой угрозы для России. Наоборот, мы хотим создать реальное стратегическое партнёрство между НАТО и Россией и будем действовать соответствующим образом, ожидая взаимности со стороны России. Отношения между НАТО и Россией строятся на базе целей, принципов и обязательств основополагающего акта Россия – НАТО и Римской декларации (2002 г. – П.С.), особенно в том, что касается демократических принципов и суверенитета, независимости и территориальной целостности всех государств евроатлантического пространства. Невзирая на различия по отдельным вопросам, мы по-прежнему убеждены, что безопасность НАТО и России взаимосвязаны и что только крепкое и конструктивное партнёрство, базирующееся на взаимном доверии, транспарентности и предсказуемости наилучшим образом будет служить задачам нашей безопасности» [2].

Понятно, что изживание этих «идеалистических» представлений (а они были свойственны в равной степени и российской стороне) произошло не внезапно – дело в том, что Стратегическая концепция НАТО – документ, рассчитанный примерно на десятилетие, и там не отражены те «претензии» к России, которые постепенно накапливались у альянса и предшествовали началу украинского кризиса. Ещё до его возникновения члены НАТО постоянно критиковали Москву за то, что она не выводит контингенты своих вооружённых сил из Молдавии и Грузии по требованию правительств этих стран (имея в виду и территории признанных в 2008 г. Россией Абхазии и Южной Осетии), призывали её вернуться к соблюдению Договора об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ), участие в котором РФ приостановила в 2007 г., поскольку сами же страны НАТО отказывались ратифицировать Договор об адаптации ДОВСЕ из-за невыполнения Россией вышеназванных условий, касающихся Грузии и Молдавии.

И конечно, основные установки, которые должны были лечь в основу новой концепции Североатлантического альянса, разрабатывавшиеся близким к

НАТО экспертным сообществом и высказывались на форумах альянса разного уровня (встречи глав государств и правительств, министров иностранных дел и обороны), сложились еще до 24 февраля, когда началась российская спецоперация на Украине, которая послужила лишь для того, чтобы максимально обострить все акценты.

После 2014 г. в выступлениях западных государственных лидеров и экспертов постоянно присутствует мысль, что российские действия на Украине («аннексия» Крыма, поддержка «сепаратистов» в Донбассе) придали НАТО новый смысл существования, который она начала терять после окончания холодной войны. Так, признавалось, что нужно восстановить приоритетность коллективной безопасности, регулируемой статьей 5 Вашингтонского договора, как стержневой задачи альянса. С 1990-х годов эта задача, хотя и ставилась официально на первое место, всё больше размывалась и растворялась в широко и часто произвольно понимаемом тезисе о «коллективной обороне» – фактически вмешательстве альянса за пределами уставной территории ради урегулирования тех или иных региональных конфликтов, постконфликтного восстановления и национально-государственного строительства. Его суть наглядно проявилась после провала миссии НАТО в Афганистане и захвата там власти талибами в августе 2021 г. Приоритетность «коллективной обороны» направлена в первую очередь против России, и события на украинском направлении после 24 февраля 2022 г. усилили именно антироссийскую заострённость этой фундаментальной задачи НАТО. Так, в вышедшем в ноябре 2020 г. докладе «НАТО – 2030. Объединение для новой эры», подготовленном группой исследователей, утверждённой генсеком НАТО, указывается, что в наступившем десятилетии альянс столкнулся с **изменившейся международной средой, которая характеризуется возвращением геополитического соперничества** (выделено мной. – П.С.). Вина за эту ситуацию, конечно, целиком возлагается на Россию. Именно её «незаконными» действиями в отношении Украины альянс объясняет те свои меры по расширению военного присутствия в Восточной Европе, которые были приняты после 2014 г. [НАТО 2030. United for a New Era. 2020: 3].

Однако оптимизм НАТО, который каждый раз оживает, когда у альянса появляется подобная объединяющая угроза, рано или поздно начинает затухать, поскольку многочисленные центры влияния в альянсе слишком по-разному оценивают то, какая должна быть приоритетность тех или иных задач и каковы должны быть ответы на возникающие вызовы. Негативное влияние на сплочённость НАТО оказало пребывание Д. Трампа на посту президента США (2017–2021 гг.), его угрозы, пусть и слабо связанные с реальностью, отказаться гарантировать безопасность тем членам альянса, которые не удовлетворяют требуемым Вашингтоном нормативам военных расходов. Да и Дж. Байден, хотя после прихода в Белый дом он и сделал акцент на необходимости восстановить сплочён-

ность НАТО и покончить с трамповским деструктивным подходом к альянсу, сразу дал новый повод для недоверия среди по крайней мере некоторых европейских союзников, когда в сентябре 2021 г. был создан трёхсторонний альянс АУКУС (*AUCUS*), в составе Австралии, Великобритании и США с очевидной задачей сдерживания Китая. После этого усилились сомнения в том, нужно ли вообще Вашингтону европейское единство, не пытается ли он использовать самых лояльных европейских союзников для более эффективного противостояния Китаю как главному вызову американскому доминированию.

По мнению российского политолога Д. Данилова, «смена Соединёнными Штатами “плохого полицейского” (Трампа) на “хорошего” (Байдена) не изменила сложившегося при прежней американской администрации трансатлантического баланса. Стратегические установки США по-прежнему будут целесообразными при выработке направлений и форматов политической и оперативной трансформации альянса на обозримую перспективу, обозначенную в “Повестке НАТО – 2030”» [Данилов Д.А. 2021: 9].

Сомнения в том, что НАТО сумеет сохранить единство воли и общность в понимании своих целей, оставались внутри альянса и после начала российской спецоперации на Украине. Помимо военной угрозы особенно большие опасения продолжало вызывать приписываемое России (равно как и Китаю) «гибридное» воздействие на внутреннюю устойчивость государств – членов альянса, особенно кибератаки на критически важные объекты и использование «информационного оружия». Эту обеспокоенность отразило, в частности, заявление чрезвычайного саммита НАТО в Брюсселе 24 марта 2022 г., в котором говорилось не только о всеобъемлющем военном ответе на действия Москвы (по принципу «активности на 360 градусов») и размещении 40-тысячного контингента в Восточной Европе, но и о необходимости всемерного пресечения «злонамеренного» воздействия России и других «деструктивных» сил на стабильность общественного устройства и инфраструктуру стран альянса [3].

Одним из ключевых терминов в натовских стратегических разработках становится достаточно многозначный термин «устойчивость, упругость» (*resilience*) применительно к самим членам альянса, их внутреннему устройству, внутриполитической стабильности и способности противостоять дестабилизирующему воздействию противника. Особым объектом усилий становится обеспечение конкурентоспособности альянса в сферах так называемых «новых разрушительных технологий» (*emerging disruptive technologies*). Этот широко трактуемый термин включает такие направления, как технологии искусственного интеллекта (ИИ), квантовые технологии, технологии обработки больших массивов данных, автономных систем и повышения способностей человека, а также гиперзвуковые и космические новации. Данный аспект деятельности НАТО рассматривался на встрече министров обороны стран альянса в октябре 2021 г.,

где была утверждена первая в истории НАТО Стратегия использования искусственного интеллекта [4].

Фактически с момента окончания биполярного противостояния Североатлантический альянс – в стремлении найти модус вивенди для своего дальнейшего существования и претензий на универсальную роль в строительстве системы безопасности в Европе, да и всё больше за её пределами, пытается расширить собственные функции и претендовать на новые миссии. В преддверии мадридского саммита НАТО, который утвердил её новую стратегическую концепцию, генеральный секретарь альянса в интервью американскому изданию «Политико», назвав «войну президента Путина против Украины» самой серьёзной угрозой, с которой сталкиваются союзники по НАТО, призвал также не забывать и о других вызовах для безопасности, которым альянс должен противостоять, – борьбе между демократией и авторитаризмом, стремлению Москвы и Пекина поставить под сомнение международный порядок, основанный на правилах, терроризму и распространению ядерного оружия, кибератакам и изменению климата. Столкнувшись с этой новой реальностью в сфере безопасности, по словам Й. Столтенберга, НАТО продолжает адаптироваться к ней [5].

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РАСШИРЕНИЯ НАТО

Новый импульс в связи с действиями России на Украине получает тот аспект стратегии НАТО, который связан с принципом «открытых дверей» блока. И здесь приём Швеции и Финляндии в альянс (они подали соответствующую заявку 18 мая 2022 г., и мадридский саммит в конце июня официально направил им приглашение) имеет принципиально новый смысл в сравнении с теми волнами расширения НАТО, которые происходили до сих пор. Если бы не началась российская спецоперация на Украине, то в Стокгольме и Хельсинки внутренние дискуссии на этот счёт, вероятно, велись бы ещё неопределённо долго, а сами эти страны продолжали бы втягиваться в совместную военную активность с НАТО, участвуя в совместных с ней военных учениях. Теперь же, когда Россия на Украине перешла критическую черту, эти раздумья, по мнению большей части правящих элит этих стран, стали неуместными. В Швеции и Финляндии сформировался внутриэлитный консенсус, что решение о вступлении нужно принимать быстро. Сотрудник стокгольмского Института проблем безопасности и развития А. Висландер и директор Инициативы в сфере трансатлантической безопасности Атлантического совета США К. Скалуба считают, что кандидатуры этих двух стран выглядят принципиально иначе, чем заявки каких-либо других государств после окончания холодной войны, в первую очередь ввиду их

значимости и того контекста, в котором они были поданы, и поэтому их нужно рассмотреть в максимально короткие сроки [6].

В НАТО вступают, таким образом, уже не экс-социалистические страны, имеющие, как правило, средний и ниже среднего уровень развития (в том числе в военном плане), а государства технологически развитые, способные внести (особенно Швеция) заметный вклад в военный потенциал альянса и в обмен разведывательной информацией. Это уже не Албания, Черногория или Северная Македония, у которых собственный взнос в военный потенциал НАТО едва заметен, но которые, правда, представляют для стратегии альянса ценность из-за своего географического положения.

Вступление Швеции и Финляндии в НАТО (если соответствующие протоколы ратифицируют парламенты всех государств – членов альянса) имеет значение в трёх основных аспектах:

– выход НАТО на новые рубежи на севере Европы (достаточно сказать, что российско-финляндская граница протяжённостью более 1 тыс. км увеличивает вдвое сухопутную границу между РФ и НАТО);

– обретение Североатлантическим союзом военного превосходства в Балтийском море и новых возможностей для защиты наиболее уязвимых членов альянса – Латвии, Литвы и Эстонии, новых маршрутов для доставки туда подкреплений в случае обострения военно-политической ситуации (в частности, путём использования стратегически важного острова Готланд, принадлежащего Швеции);

– усиление присутствия НАТО в Арктике, увеличение значимости вопроса о безопасности Арктического региона в повестке дня альянса [7].

Правда, ситуация, связанная с возможным вступлением Швеции и Финляндии в НАТО, вплоть до мадридского саммита осложнялась тем, что заблокировать их приём пригрозила Турция, которая утверждала, что эти две страны оказывают поддержку курдским группировкам (прежде всего, Рабочей партии Курдистана – РПК), которые Анкара считает террористическими. Это не первый случай, когда президент Турции Р.Т. Эрдоган использует «курдский вопрос» для того, чтобы выторговать в НАТО те или иные уступки по данному вопросу в обмен на согласие не блокировать решение каких-либо важных для альянса проблем, даже в далёких от Турции регионах, не влияющих непосредственно на её безопасность. Так, в конце 2019 г. Анкара воспрепятствовала принятию на лондонском саммите НАТО плана обороны Польши и прибалтийских государств, требуя, чтобы союзники по альянсу в обмен на одобрение Турцией этого плана согласились признать террористическими курдские вооружённые формирования – Отряды народной самообороны (YPG) – в северной Сирии. «Это стало свидетельством того, что для одного из ключевых союзников США по НАТО проблемы в собственном геополитическом окружении намного важнее проблем далёкого от Турции региона Балтики» [Смирнов П.Е. 2020: 13]. Правда,

в июне 2020 г. Турция сняла свои возражения против введения в действие плана обороны Польши и стран Балтии. Ожидалось, что и оппозиция Анкары приёму в НАТО Швеции и Финляндии, не будет неопределённо долгой. И действительно, в первый же день работы саммита в Мадриде 28 июня 2022 г. руководители Турции, Швеции и Финляндии подписали меморандум, согласно которому Анкара сняла свои возражения против вступления в альянс этих двух государств Северной Европы в обмен на их обязательство сотрудничать с Турцией в борьбе с «курдским терроризмом» и не участвовать в эмбарго на поставки ей вооружений [8].

Очевидно, что снятие турецкого вето на приём Швеции и Финляндии в НАТО было связано также с давлением на Турцию Вашингтона, который использовал для этого вопрос о продаже Анкаре многоцелевых истребителей *F-16*. Тем не менее, данный пример является свидетельством того, что сплочённость НАТО, в том числе и в вопросах реализации принципа «открытых дверей» альянса, подвергается всё большей эрозии и даже консенсус внутри блока относительно необходимости противодействия «российской агрессии» не способен её предотвратить.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАТО И НЕОБХОДИМОСТЬ РЕАГИРОВАНИЯ НА «КИТАЙСКИЙ ВЫЗОВ»

Задача превращения НАТО из организации, не только ответственной за безопасность Евроатлантической зоны, но и имеющей глобальный охват, стала обсуждаться внутри альянса и воплощаться в жизнь задолго до того, как он столкнулся с нынешними вызовами, характеризующимися как возвращение геополитического соперничества. Правда, в предыдущие годы, когда на Западе доминировали представления о НАТО как гаранте коллективной безопасности, задачи реализации функции коллективной обороны стран-членов постепенно отходили на второй план. Теперь же, когда НАТО, не отказываясь от новых миссий, которые она постепенно брала на себя после окончания холодной войны (миротворчество, содействие государственному строительству в кризисных регионах, борьба с терроризмом и пиратством, энергетическая безопасность и т.д.), ставит во главу угла необходимость ответа на вызов со стороны «ревизионистских» держав (России и Китая), речь уже идёт о предоставлении «зонтика безопасности» не только странам Европы, но и других регионов мира, в том числе в кооперации с разными оборонными альянсами и межгосударственными форумами.

В наиболее откровенной и воинственной форме задача глобализации НАТО была сформулирована в выступлении министра иностранных дел Великобритании Л. Трасс на пасхальном банкете в конце апреля 2022 г. Глава британского Форин-офиса, отличающаяся особо непримиримой позицией в отношении Рос-

сии и одновременно стремящаяся продемонстрировать растущие геополитические претензии Лондона после выхода из ЕС, заявила о необходимости «глобальной НАТО» – именно в контексте отпора России и Китаю. Это, по её утверждению, не означает предоставления статуса члена странам в других регионах; это предполагает, что НАТО должна иметь глобальную перспективу и отражать глобальные угрозы: нужно заниматься предотвращением угроз в Индо-Тихоокеанском регионе, сотрудничая с такими союзниками, как Япония и Австралия, чтобы обеспечить защиту этого региона и возможность для таких демократических стран, как Тайвань, защитить себя [9]. Таким образом, глава британской дипломатии, обосновывая идею глобальной НАТО, не ограниченной лишь Евроатлантической зоной, призывает усматривать взаимосвязь между «российской агрессией» на Украине и возможными попытками КНР восстановить военным путём суверенитет над Тайванем.

Задача выхода НАТО за свои уставные географические рамки была серьёзно дискредитирована в результате бесславного окончания миссии альянса в Афганистане в 2021 г., но отнюдь не снята с повестки дня. Это, таким образом, уже не только необходимость ответа на те вызовы, которые исходят из-за пределов Европы (Ближнего Востока, Африки), но и задача выработки ответа на китайский вызов, в которую Вашингтон втягивает союзников по НАТО всё более откровенно. Правда, далеко не все государства – члены альянса, особенно в Восточной Европе, которые находятся на переднем крае противостояния с «реваншистской» Россией, понимают, зачем НАТО ввязываться ещё в противостояние с Китаем.

Необходимость вовлечения альянса в реагирование на китайский вызов в упомянутом выше экспертном докладе «НАТО - 2030.» обосновывается тем, что Китай для евроатлантического сообщества является соперником по всему спектру мировых проблем, а не только в торгово-экономических отношениях. Хотя Пекин и не представляет, в отличие от России, непосредственной военной угрозы, он распространяет своё военное присутствие на Атлантику, Средиземноморье и Арктику, расширяя военное сотрудничество с Россией и развивая производство современных вооружений. Опасность, с точки зрения натовских экспертов, представляет и проникновение Китая в инфраструктурную и информационную сферы вместе с реализацией проекта «Один пояс – один путь», использование им кибератак и кампаний дезинформации (особенно после начала пандемии ковид-19), его стремление захватить глобальное лидерство в создании искусственного интеллекта [11].

В этой связи – и здесь особенно активные усилия со стороны США начались именно с приходом администрации Дж. Байдена – Вашингтон старается направить деятельность НАТО в направлении сопряжения усилий со старыми и новыми альянсами и прочими межгосударственными (формально невоенными) форумами в Индо-Тихоокеанском регионе – АУКУС и Четвёрка (QUAD) в соста-

ве США, Япония, Австралия, Индия. В конце июня 2022 г. было также объявлено об учреждении группы «Партнёрство на Тихом океане» (*Partners in the Blue Pacific*), в которую вошли США, Австралия, Япония, Новая Зеландия и Великобритания, – официально неформального механизма сотрудничества между этими государствами, а фактически для более эффективного противостояния Китаю.

Казалось бы, начало российской военной спецоперации на Украине должно было сосредоточить деятельность НАТО именно на европейском направлении, с целью усилить эффективность сдерживания «агрессивных действий» России. Однако развитие ситуации, особенно реакция Китая, весьма гибкая и далёкая от открытой поддержки, но при этом показывающая, что Пекин при определённых условиях готов использовать российские действия для продвижения собственных интересов, в частности, в тайваньском вопросе, – подтверждает: увязка российского и китайского вызовов в формулировании стратегических приоритетов Запада (НАТО) не только не теряет смысла, но и становится ещё актуальнее.

В упомянутом выше интервью изданию «Политико» Й. Столтенберг особо отметил, что альянс не считает Китай своим противником, но, по его словам, «следует осознать, что подъём Китая, сам факт того, что он резко увеличивает инвестиции в современное военное оборудование, в том числе существенно наращивая свой ядерный потенциал, и в ключевые технологии и даже пытается взять под контроль критически важную инфраструктуру в Европе, подбираясь к нам всё ближе, делает важным для нас ответ и на этот вызов» [5].

ОСНОВНЫЕ АКЦЕНТЫ НОВОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ НАТО

Как и ожидалось, исходя из экспертных дискуссий и выступлений лидеров США и их союзников по НАТО, принятая на мадридском саммите новая стратегическая концепция альянса провозгласила Российскую Федерацию «наиболее значительной угрозой безопасности, миру и стабильности в Евроатлантическом регионе» (правда, авторы документа всё же воздержались от таких характеристик как «враг» или «противник»). Россия, говорится в документе, «стремится установить сферы влияния и прямой контроль, прибегая к принуждению, подрывным действиям, агрессии и аннексии. Она применяет обычные вооружения, кибероружие и гибридные инструменты против нас и наших партнёров. Её угрожающее поведение в военной сфере, воинственная риторика и очевидное стремление использовать силу для достижения своих политических целей подрывают международный порядок, основанный на правилах» [10]. В своей новой стратегической концепции Североатлантический альянс указывает на невозможность какого-либо партнёрства с Россией в свете её «враждебной политики»,

хотя и заявляет при этом о своём желании оставить открытыми каналы коммуникации с Москвой для управления рисками и их снижения, для предотвращения эскалации кризисов и увеличения транспарентности, о своём стремлении к стабильности и предсказуемости в Евroatлантическом регионе, между НАТО и Российской Федерацией [10].

Следующими в порядке приоритетности для НАТО после «российской угрозы» в документе идут вызовы, связанные с терроризмом, конфликтами и нестабильностью в Африке и на Ближнем Востоке, распространением насилия против гражданского населения, торговлей оружием и людьми, климатическими изменениями и прочие факторы, которые призваны обозначить преемственность с теми приоритетами, который альянс провозглашал ранее.

Но ключевым нововведением в документе является характеристика «китайского вызова», который в предыдущих концепциях НАТО полностью отсутствовал. Здесь названы все перечисленные выше «опасности», исходящие для евроатлантического сообщества от Китая, причём в концепции особо отмечается: «углубление стратегического партнёрства между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией, их дополняющие друг друга попытки подорвать международный порядок, основанный на правилах, противоречат нашим ценностям и интересам» [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характер дискуссии внутри НАТО в преддверии мадридского саммита, нежелание некоторых стран альянса (Венгрии, Турции) вовлекаться в слишком жёсткую конфронтацию с Россией, попытки некоторых из них хотя бы затормозить эскалацию антироссийских санкций ввиду негативных экономических последствий для тех, кто их вводит, более гибкие, чем ожидалось, формулировки документов саммита в отношении Москвы говорят о том, что обострение украинского кризиса после начала российской спецоперации – отнюдь не только стимул (причём, скорее кратковременный) для сплочённости НАТО, но и фактор, усиливающий внутри альянса страх перед большой войной в Европе.

ИСТОЧНИКИ

1. Мельникова Ю. НАТО 2030: новый виток рефлексии для Североатлантического альянса // Российский совет по международным делам, 7.07.2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato2030-novyy-vitok-refleksii-dlya-severoatlanticheskogo-alyansa/> (accessed: 24.06.2022).

2. Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government in Lisbon. 19.11.2010. Available at:

https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm (accessed 30.06.2022).

3. Statement by NATO Heads of State and Government, Brussels 24.03.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_193719.htm (accessed 28.06.2022).

4. Summary of the NATO Artificial Intelligence Strategy. 22.10.2021. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_187617.htm (accessed: 14.06.2022).

5. Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg during an online conversation with *POLITICO* journalist Lili Bayer. 22.06.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_196972.htm. (accessed: 26.06.2022).

6. Wieslander A., Skaluba Ch. Why Finland and Sweden Can Join NATO with Unprecedented Speed // Institute for Security and Development Policy, May 2022. Available at: <https://isdsp.eu/publication/why-finland-and-sweden-can-join-nato-with-unprecedented-speed/> (accessed: 27.06.2022).

7. Mellen R., Moriarty D. Four Maps Explain How Sweden and Finland Could Alter NATO's Security // *The Washington Post*, May 19, 2022. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/2022/05/19/finland-sweden-nato-maps/?utm_campaign=wp_post_most&utm_medium=email&utm_source=newsletter&wpisrc=nl_most&carta-url=https%3A%2F%2F2f36e19fe%2F62866282956121755a84bb47%2F5f215d8dae7e8a4360d6c7be%2F13%2F70%2F62866282956121755a84bb47 (accessed: 28.06.2022).

8. Turkey lifts objections to Finland and Sweden's Nato bid // *The Guardian*, 28.06.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2022/jun/28/turkey-lifts-objections-to-finland-and-swedens-nato-bid> (accessed: 29.06.2022).

9. The return of geopolitics: Foreign Secretary's Mansion House speech at the Lord Mayor's 2022 Easter Banquet. 27.04.2022. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-mansion-house-speech-at-the-lord-mayors-easter-banquet-the-return-of-geopolitics> (accessed: 27.06.2022).

10. NATO 2022 Strategic Concept. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (accessed: 29.06.2022).

11. NATO 2030. United for a New Era. 2020. Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General // Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (accessed 23.06.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Данилов Д. А. 2021. Саммит НАТО: глобальное будущее после смерти мозга. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3. С.7-14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32021714>

Смирнов П.Е. 2020. Эволюция политических приоритетов США в регионе Балтийского моря во втором десятилетии XXI века // *Балтийский регион*. № 3. С. 4-25. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-3-1.

REFERENCES

Danilov D. 2021. NATO Summit: a Global Future after Brain Death. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS]*, No. 3. - P. 7-14 (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32021714>

NATO 2030. Towards a New Strategic Concept and Beyond. 2021. Ed. by Blessing J., Elgin K., Ewers-Peters M., Paul H. Nitze School of Advanced International Studies Johns Hopkins University. 343 pp.

Smirnov P.E. 2020. The evolution of US political priorities in the Baltic sea region in the 2010s, *Baltic Region*, Vol. 12, no. 3, p. 4 -25. DOI: 10.5922/2078-8555-2020-3-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СМИРНОВ Павел Евгеньевич, старший научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Pavel Ye. SMIRNOV Senior Research Fellow, Department of Foreign Policy Researches, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 1.07.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 12.07.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 14.07.2022.